

## ПЕРЕВОДЫ

УДК: 111; 113

Хлебников Г.В.

### ВЫБОРОЧНЫЙ ПЕРЕВОД: ШТИГЛЕР Б. МЕЧТЫ И КОШМАРЫ. ЗА ЭРОЙ АНТРОПОГЕНА<sup>1</sup>

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,  
Москва, Россия, gwovoloshin@gmail.com*

*Аннотация.* Автор анализирует возможные линии развития эры антропогена, опасности, подстерегающие современную цивилизацию.

*Ключевые слова:* антропоген; фундаментальная ситуация; гибридность; структура реальности; безумие; энтропия; мышление.

Поступила: 06.05.2019

Принята к печати: 15.06.2019

**Khlebnikov G.V.**

**Part translation of**

### **«Stiegler B. Dreams and nightmares. Beyond Anthropocene era»<sup>2</sup>**

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of*

*the Russian Academy of Sciences,*

*Moscow, Russia, gwovoloshin@gmail.com*

*Abstract.* The author analyzes the possible lines of development of the era of anthropogeny, the dangers that lie in wait for modern civilization.

*Keywords:* Anthropogen; fundamental situation; hybridity; structure of reality; madness; entropy; thinking.

Received: 06.05.2019

Accepted: 15.06.2019

---

<sup>1</sup> Г.В. Хлебников, 2019

<sup>2</sup> Stiegler B. Dreams and nightmares. Beyond Anthropocene era. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.academia.edu/39633070/Bernard\\_Stiegler\\_Dreams\\_and\\_Nightmares\\_Beyond\\_the\\_Anthropocene\\_Era\\_2019](https://www.academia.edu/39633070/Bernard_Stiegler_Dreams_and_Nightmares_Beyond_the_Anthropocene_Era_2019) (дата обращения: 15.05.2019).

Убріс: это греческое слово относится одновременно к понятиям преступления, чрезмерности и безумия. Тем не менее үбріс – это не термин, обозначающий безумие: он также описывает *фундаментальную ситуацию*, вовлеченную в различные формы безумия, – а их много. Современная *ситуация разрыва* характерна для нашей гюбрис – ситуации сегодняшнего дня.

Но үбріс – это и то, что делает нас *наследственно гибридными* существами, а гибридность, в свою очередь, характеризует реальности, которые нас окружают и нас конституируют: они всегда двойные, двойственные, неустойчивые и двусмысленные реальности. Если не полностью иллюзорные. И это оттого, что эти реальности суть химеры, артефакты, являющиеся смесью гетерогенных субстанций, вроде химер из греческой мифологии. По этой причине они являются *pharmaka*, – т.е., с одной стороны, лекарствами от того, чем в этой фундаментальной ситуации гюбрис являются все формы зла, страдания и нищеты, с другой – ядами, которые всегда ведут к тому, что усиливают эти последние.

Эта ситуация фундаментальной гибридности результирует из того, что Леруа-Гуран (Leroi-Gourhan) называет процессом экстериоризации, который я предпочитаю называть – после анализов Альфреда Лотке (Alfred Lotka) – процессом экзосоматизации (exosomatization). Последний же является продолжением характерного органогенезиса эволюции жизни, как онто-, так и филогенезиса. Разрыв же оказывается специфическим случаем нашей гибридной ситуации, в чем и конституируется новая стадия экзосоматизации, а, именно та, в которой делириум трансгуманистов может подняться, – порождая *генерализованное сумасшествие*, подразделяющееся в режимы *обычного сумасшествия, чрезвычайного сумасшествия и рефлексивного сумасшествия*, и здесь я прибегаю одновременно к анализам Михаила Фесселя (Mikael Foessel), Жана-Баптиста Фрессоза (Janean-Baptiste Fressoz) и Петера Слотердийка (Peter Sloterdijk).

В работе «*Мир внутри капитала*» (World Interior of Capital) Слотердийк описывает начала модернизма как род наклонности к безумию, «желание обнять разочарование» [Sloterdijk, 2013, p. 54]. А в «*Веселом апокалипсисе*» (L'apocalypse joyeuse) Фрессоз показывает, как возникновение Антропогена зависело от широкого углубления рисков, т.е. от интенсификации и, некоторым образом, постоянного возбуждения үбріс'а. Фоссель показывает, что власть

как таковая всегда содержит безумие как для имеющих ее, так и подчиняющихся. Этот анализ можно найти в выпуске журнала *Эспри* (*Esprit*), озаглавленном «На краях сумасшествия» (*Aux bords de la folie*), который показывает, что углубление психических и моральных заболеваний во французском обществе проявляется в различных психопатологиях, которые более или менее связаны с теми формами, которые описаны как «обычное безумие».

В «Истории безумия» Фуко попытался показать, что западное общество с XVII в. радикально противостоит разуму и неразумию, т.е. безумию. В греческой философской традиции, однако, и до Монтеня, даже Паскаля, безумие, сумасшествие неустранимо принадлежит мышлению: оно – конститутив последнего. И не только безумие и сумасшествие, но и тупость, и идиотизм также являются измерениями *noesis* как способности мыслить интеллектуально и спиритуально.

Я говорю интеллектуально и спиритуально, потому что *νοῦς* (ум. – Г. Х.) не может быть редуцирован к *λογος*. *Νοητός* (мышление. – Г. Х.) – это *νοῦς* в актуальности, и как таковой он спиритуален, тогда как в качестве мышления он – логичен, т.е. «интеллектуален». Но я верю, что *νοητός* никогда не может быть полностью описан как логическая и интеллектуальная способность. Вот почему *νοῦς* переводится на латынь как *intellectus*, так и как *spiritus*, через которые появились французские слова «*intellect*» (интеллект. – Г. Х.) и «*spirit*» (дух. – Г. Х.).

Я настаиваю на этом, потому что эти два измерения станут у Канта *пониманием* *Udorständing. Verstand* (разум. – нем., Г. Х.). И *reason* (ум. – франц., Г. Х.). *Vernunft* (ум. – нем., Г. Х.), – как они различаются внутри способности познания, которую они конституируют тем целым, которое они формируют, и как способность мышления, как *νοητός*.

Необходимо мыслить и знать, т.е. заставить *νοῦς* перейти в актуальность как *νοητός*, и лишь потому, что ноэтические существа, которыми мы являемся, гибриды, т.е. постоянно погружаемся в неопределенность. И это в силу того, что наши ноэтические продукты, которые конкретизируются трудами, которые тоже артефакты, постоянно модифицируют экзосоматизацию посредством добавления новых органов, что и разрывает установившиеся пути жизни. Такие пути жизни сами были дорогами присвоения и содержания *ὑβρίς* – их экзосоматизация содержит постольку, по-

скольку она всегда скрывает в себе химер, – и разочарования, вред и, иногда, гигантские катастрофы.

И именно *үбүріс* делает возможными *безумие*, глупость и *идиотизм*, а также *чрезмерность* и *преступление*. *Үбүріс* и сам является продуктом экзосоматизации, но безумие, глупость и идиотизм, поскольку они проистрастают от *үбүріс*, также являются тем, что приуждает нас мыслить, что создает мышление и делает это, как мы увидим, начиная с мечтания. Безумие же иногда является источником блеска мышления, его гения, в оригинальном смысле этого слова: ведь *genial* значит оригинальный, единичный, беспрецедентный. И это именно, что Платон говорит в «*Пире*», что Аристотель пишет в 30 книге «*Проблем*», Сенека в «*О спокойствии ума*», а Монтень в «*Опытах*», – вместе с многими моралистами семнадцатого века и современниками Декарта.

Но во многих случаях *үоңғыс* оказывается негативным использованием этой способности. Способность мышления часто продуцирует *злыe мысли*, посредственные мысли, негативные мысли, т.е. регрессивные мысли, *глупости*, которые часто являются зловредными. Более того, глупость свойственна мышлению до того, что все мышление может стать глупостью, как в случае с эпигонами, доходя до того, что оно все, как бы глупым ни было, может в конце концов воплотиться в реальном мире как «*глупости*», т.е. «*глупые поступки*», вписываемые в действительность как аспект экзосоматизации, как бы ни мал такой случай был, возможно, как выражение в словах или какое-нибудь объявление.

Но мышление в общем – включая моменты гения, которые ведут к значительным шагам в экзосоматизации, – является до того нередуцируемо гибридным и необходимо фармакологическим, неминуемо приговоренным стать токсичным или регрессивным, пока случайно не обернется каким-нибудь выражением глупости, уже не гения.

Знаменательно, что все эти вопросы касаются выражения, т.е. экстериоризации, которая становится возможной благодаря экзосоматизации.

В диалоге Платона, носящем имя Протагора, этот последний описывает экзосоматизацию, обсуждая значение демократии с Сократом, рассказывая миф о Промете и Эпиметее – миф, который я сам принял в деталях, формируя основание «*Техники и времени*». 1. *Ошибка Эпиметея*. Протагор утверждает, что мы, смертные, –

*oi thanatoi* – являемся плодом забывчивости Эпименида, компенсированной Прометеем, который должен был украсть огонь с Олимпа, чтобы дать нам (людям) возможность обрести эти искусственные качества, которыми является техника.

Однако техника, общим символом которой является огонь, производит *pharmaka*, т.е. искусственные органы, *которые всегда могут повернуться против тех, кто их использует*. Так как они никогда не поступают с техническими «инструкциями» (*mode d'emploi*) и поскольку подобные инструкции никогда не могут быть только «*user manual*», эти искусственные органы нуждаются в концепции *терапий и терапевтов*. Такие терапии являются формами знания, которые каждое время, в каждую эпоху должны развиваться единственным образом. То есть, *идиотически*, как-то, с одной стороны, в соответствии с новыми формами *фармака*, которые эмерджируют в такую эпоху, и, с другой стороны, с теми формами, которые эпоха унаследовала: географический ареал, историческое наследие, индивидуальность, которая схватывает его, как психическая индивидуальность, так и коллективная – конституируя то, что Хайдеггер назвал *Da – sein*.

*Терапия*, требуемая *фармаконом*, всегда является формой знания. Это знание может быть знанием жизни (*savoir – vivre*), знанием дела (*savoir – faire*) или ноэтическим знанием: спиритуальным, созерцательным, теоретическим, интеллектуальным академическим, научным. Миф, рассказанный Протагором, повествует нам, что такое знание всегда должно содержаться в том, что передает смертным Гермес от Зевса: *их отношение к стыду, αἰδοῖς, и к справедливости, δικῇ. Стыд и справедливость* – это те чувства, которые *ὑβρίς* должен инспирировать, но это должно делать возможным и содержать *ὑβρίς*. «Содержать» имеет здесь двойное значение: они должны как *содерживать* *ὑβρίς*, т.е. *удерживать его от разнозданности*, так и содержать его в том смысле, что они *конституируются* им.

Αἰδοῖς как стыд: я верю, что это то, что греки разделяли вместе с японской цивилизацией – исконное знание, конститутивное для трагической культуры, которое с монотеизмом европейцы и западные люди утратили. Платон приготавлял этот путь прихода христианского монотеизма, который Павел из Тарса конституировал, гибридизируя греческую и платоновскую культуру с иудаизмом

одного Бога. Протагор и Сократ являются последними свидетелями трагической греческой эпохи.

Думая о безумном, идиотическом и дурацком измерении *воησις*, мы должны вписать их в процесс экзосоматизации, который Протагор описывает в мифологических терминах, но который сейчас, и вот уже больше столетия, описан как палеонтологией, археологией, зоологией и антропологией, так и экономистами Георгеску – Регёна (Georgescu – Roegena) или во Франции Рене Пассетом (Rene Passet). История жизни сама является эволюционным процессом, результирующим в эндосоматический органогенезис. Внутри этой истории экзосоматизация является новым этапом органогенезиса, характеристикой того, что Джордж Кангилхем (Georges Canguilhem) называет *технической жизнью*, где производство новых органов продолжается вне тела – отсюда и экзосоматически.

Эта новая форма жизни, *уже не чисто зоологическая*, таким образом, *базируется на искусственном органогенезисе* – органогенезисе, который уже не *органический*, а *органологический*. Экзосоматический органогенезис порождает органы, которые, как искусственные, оказываются всегда как негентропными, каким каждый живой орган и должен быть (я сейчас вернусь к этому пункту, касающемуся отношения между жизнью и энтропией), так и энтропическими, т.е. деструктивными для жизни. Другими словами, они являются лекарствами (*pharmaka*): эти негентропические *средства* всегда оказываются также энтропической *отравой*.

Подобно монотеизму, западная философия провела последние 25 веков, отрицая и репрессируя это фундаментальное измерение ноэтической жизни – *техническую жизнь*, которая является также *ноэтической жизнью*. *Noesis* – как способность мышления, размышления, и в этом смысле: предвидения – имеет негентропическую функцию. Здесь я принимаю точку зрения Альфреда Норта Уайтхеда: *функцией разума является продуцирование негентропических бифуркаций в борьбе технической жизни против энтропии вообще и против ее собственной антропии (anthropy) в особенностях* – здесь мы должны произносить энтропия с «а» и «h»: *anthropy*.

Все эти измерения должны быть поняты, исходя из тех огромных космологических и астрофизических вопросов, которые возникли в XIX в. в термодинамике с так называемым *вторым законом термодинамики*, или *законом энтропии*, – и это то, что ха-

рактеризует подход математика и экономиста Николаса Георгеску-Рёгена (Nicolas Georgescu – Roegen).

Именно закон энтропии буквально разрушает все эти космические концепции, которые были составлены на Западе даже до греков – от древнего Египта и Месопотамии, где появились первые астрономы. Эти концепции устанавливали, что космос абсолютно стабилен, конституируя то, что позже Аристотель станет называть *фиксированной сферой*, как оппонирующей сублунной сфере – миру ниже Луны, т.е. миру, в котором мы живем. Испорченному, миру дегенерации. Дегенерация, однако, есть то, что мы сейчас называем *энтропией, деградацией, разложением*.

Для греков фиксированная сфера принадлежала бессмертным, это была сфера вечного, т.е. неба. Или, другими словами, сфера бытия – то ов, – которая также конституировала онтологию, дискурс бытия, который был также дискурсом Бога. *Становление* в этой перспективе является подлунной реальностью, которая, по истине говоря, *нереальна*: а есть иллюзия, скрывающая то, что после Платона мыслилось в терминах *сущностей*, рассматриваемых в себе как вечные внутри бытия, которое само едино, совершенно и неизменно.

Универсум, который в то время назывался *космосом* и понимался как *природа*, внутри которой случалось иллюзорное движение, основывающееся на постоянном движении, непрерывно возвращающемся к тому же, подлинному движению бытия, спектакль которого и представляет *фиксированная сфера*, – ее же следует рассматривать тем, что греки называли теория – это движение бытия, всегда возвращающееся по кругу к одному и тому же.

Сейчас нет времени детализировать путь изменения западной перспективы видения космоса с XVI по XVII в., – Александр Койе опишет это в своей главной работе «*От замкнутого мира к безграничному Универсуму*» [Royge, 1957]. Но я охотно отмечу, что произошло после Коперника. Именно Кеплер и Галилей сдвигают западное космическое мышление с геоцентризма к гелиоцентризму, а затем от последнего – к новой концепции безграничного космоса, уже не «фиксированной сферы». Эта точка зрения возникнет на основании новой концепции пространства, ставшего бесконечным, начиная с Декарта, питая мышление Ньютона и ведя к современной физике.

Однако, оставив геоцентризм позади, современная физика поддерживает концепцию космоса, всегда равного себе, – где пространство бесконечно до этой протяженности. И до нее равенство Универсума с самим собой в этой бесконечности фундаментально не отменяет структуру онтологии, которая лежит в основе метафизики с Платона и Аристотеля и поддерживается Декартом, Ньютона и Кантом: бытие всегда рассматривается как противоположное становлению, насколько бытие равно самому себе, тогда как становление контрадикторно самому себе.

XIX век увидел научное событие колоссального масштаба, все еще во многом недооцененное, событие, основывающееся на исследовании физиком Сади Карнотом (Sadi Carnot) *парового двигателя*, что энергия – это то, что безвозвратно рассеивается в Универсуме.

Эта первая формулировка была опять рассмотрена в 1865 г. Рудольфом Клаузисом (Rudolf Clausius), который наделил этот принцип именем *энтропия*, сделав его термодинамическим законом общей физики. С XX в. и доныне это приведет к совершенно новой концепции Универсума, которая благодаря Эдвину Хабблу, Илье Пригожину и многим другим будет ставить в центр физики вопрос о стреле времени.

Этот вопрос остается неразрешенным, как именно и показано в работе Пригожина, который в этом пункте дискутирует с официальной астрофизикой. Последняя же полностью приняла теорию термодинамики, которая гомогенна с теорией экспансии Универсума, которую Эйнштейн вначале отверг, а Хаббл доказал в 1929 г. как следствие того, что мы называем «Биг Бэнг»: Универсум оказывается трансформационным *процессом*, который в высшей степени гомогенен с *законом рассеивания энергии* в Универсуме, с *законом энтропии*.

В 1944 г. *негативная энтропия*, или *антиэнтропия*, или вновь *негентропия*, стала определением того, что мы называем «жизнь».

Существует консенсус в научном сообществе, как среди физиков, химиков, так и биологов, что *жизнь – это то, что отодвигает* процесс энтропии, т.е. удерживает энергию. Трансформирует ее и организует в органы, структуры, которые конституируют организмы. Последнее является тем, что с тех пор называется ламаркизмом. Но негативную энтропию стали упоминать лишь со Шре-

дингера. Хотя Бергсон, Фрейд и некоторое число других лиц кружили вокруг этих концептов, научная формулировка негативной энтропии, или негентропии, датируется в сфере биологии со Шредингера. Этот концепт негентропии имеется также в теории информации, теории кибернетики и системной теории, как и теории сложности. Он нацелен прежде всего и больше всего на определение самого понятия информации и способ функционирования тех информационных машин, которыми являются кибернетические машины.

Все это заставляет сделать два утверждения.

Во-первых, экзосоматизация является *бифуркацией* в истории жизни, т.е. *новым режимом негентропии*, несводимой к биологической негентропии, попадающей внутрь того, что я называю негантропологией. *Антропос* – это существо, производящее *антропизацию* (*anthropization*), в том смысле, который используется в географии, – где говорят об *антропогенной среде*, и эти антропогенные среды, которые суть реформированные человеком, производят энтропию. В то же самое время антропогенные среды также производят местами – негентропию. Эта негентропия, однако, иной природы, чем та, которая результирует из чисто биологической жизни, и в особенности она локально развивает и поддерживает процесс экзосоматизации. Именно поэтому она и произносится как *антропная*. Поэтому я утверждаю, что она производится негантропологией, т.е. культурами, которые сохраняют и используют энтропию, отличаясь от нее и различая ее, освобождая ее *вне самих себя*, но относительным образом, как, например, выпуская ее в атмосферу, и которая, чтобы сохранить энтропию в смысле местного ее удаления, локально редуцирует ее, производя *искусственные органы* и экзосоматизирует органогенезис так, чтобы результат стал не просто негентропным, а негантропным.

Во-вторых, экзосоматизация может производить негентропию только при условии *производования форм знания*, т.е. терапевтически, что фактически они являются культурами экзоматизированных органов, позволяющими локально производить больше негентропии, чем энтропии, но всегда производя вне данного локуса повышение доли энтропии в Универсуме, более точно – в биосфере. Другими словами, *pharmakon* локально может производить как энтропию, так и негентропию. Когда он дополняет, чтобы усилить негентропию, он становится негантропологичным: способствует диф-

ференции *Антропоса* и тем самым – различию *Антропоса*, дифференциации и откладыванию конца *Антропоса*, или, иными словами, его исчезновения. Дифференцируя себя подобным образом, и так, чтобы отдалить свой конец, этот *Антропос* является, прежде всего, как преследование экзосоматизации, *Негантропосом*.

То, что сейчас называют *Антропогеном*, поднимает все эти вопросы неизбежным образом – и Фукусима является одним из наиболее трагических и катастрофических примеров за весь этот период в 250 лет, что интенсифицировано чрезвычайным образом тем, что стало известно как *разрыв*, состоящий в *ускорении ускорения*, так сказать, внезапное ускорение технических инноваций, колоссально убыстрившийся с 1993 г. с появлением Всемирной Паутины и распространением сетевых компьютерных технологий, значительно углубляя долю энтропии во всех отношениях.

Вот почему для нас немыслимо оставаться в антропогене. Нам надо задумать, избрести и экзосоматизировать негантропоген, а для этого мы нуждаемся в негантропологии, которая позволит нам вступить в *новую эру*: негантропоген это не просто новая *эпоха* экзосоматизации: она является новой *эрой* экзосоматизации и, возможно, сменой режима экзосоматизации. Но *прежде этого*, это еще и новый век политической экономии.

### Список литературы

- Stiegler B. Dreams and nightmares. Beyond Anthropocene era. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.academia.edu/39633070/Bernard\\_Stiegler\\_Dreams\\_and\\_Nightmares\\_Beyond\\_the\\_Anthropocene\\_Era\\_2019](https://www.academia.edu/39633070/Bernard_Stiegler_Dreams_and_Nightmares_Beyond_the_Anthropocene_Era_2019) (дата обращения: 15.05.2019).
- Sloterdijk P. In the World Inferior of Capital. – Cambridge: Polity, 2013. – 291 р.
- Royre A. From the closed World to the infinite Universe. – Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1957. – 313 p.

### References

- Stiegler, B. (2019). Dreams and nightmares. Beyond Anthropocene era. Retrieved from: [https://www.academia.edu/39633070/Bernard\\_Stiegler\\_Dreams\\_and\\_Nightmares\\_Beyond\\_the\\_Anthropocene\\_Era\\_2019](https://www.academia.edu/39633070/Bernard_Stiegler_Dreams_and_Nightmares_Beyond_the_Anthropocene_Era_2019).
- Sloterdijk, P. (2013). In the World Inferior of Capital. Cambridge: Polity.
- Royre, A. (1957). From the closed World to the infinite Universe. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.